

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

УДК 070

«ЭЛИТА» И «ЛЖЕЭЛИТА» КАК СИСТЕМНЫЕ ПОНЯТИЯ МЕДИАЦЕНТРИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

И. В. Анненкова*Московский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова**e-mail:
anneirina@yandex.ru*

СМИ выполняют важную функцию поддержания единства общества в плоскости «элита – массы». Во многом это единство — лишь иллюзия, тем не менее именно СМИ эту иллюзию активно формируют и поддерживают, делая ее составной частью медиакартины мира. Часть общества, которая претендует на звание «элиты», не может считаться таковой, если она не соответствует определенным требованиям.

Ключевые слова: культура, СМИ, медиакартина, массы, элита, лжеэлита, политика, дискурс

Медиацентризм современной культуры, который сегодня признается даже теми, кто еще совсем недавно был противником такого понимания движения культуры, определяет место и роль средств массовой информации и коммуникации в жизни современного общества. Медиа — ядро внешней жизни современного человека: через них он получает информацию, которая становится все более глобальной и всеохватывающей, через них он формирует свое представление о мире, то есть образ мира, или картину мира. В свою очередь, медиа стремятся не только не ослабить свою *власть и свое влияние* на массовую аудиторию, сегодня они становятся единственным каналом воздействия *собственно власти* (= политической власти) на людей, или, как принято теперь говорить, на электорат. В какой-то мере «заложниками» СМИ становятся и «элита», и «массы», обе социально-политические субкультуры, имеющие собственные уникальные коды поведенческих, эмоциональных и когнитивных реакций.

С одной стороны, «элита» может «транслировать смыслы» с целью получения, сохранения и укрепления собственной власти только посредством современных средств массовой информации и коммуникации. Тем самым, ее реальные действия и ее *реальный политический опыт* фактически переходят в разряд виртуальности. Конечно, «любая политическая реформа — это всегда дискурсия, цепь текстопорождающих высказываний, реализующих определенную коммуникативную стратегию в рамках определенной культурной парадигмы, или иначе — дискурсивной формации [1, с. 97]. Но власть, реализуемая в СМИ и Интернете, получает статус «*дискурсивной власти*», т. е. такой, которая «управляет массовым сознанием посредством знаково-символического описания и интерпретирования социокультурной реальности, целенаправленного изменения гносеологических и аксиологических координат личности» [2, с. 11]. И если эта власть не опирается на информационный ресурс, она не просто не эффективна, она — в принципе — невозможна в современном мире. Более того, именно СМИ в информационном обществе продуцируют *процесс «сакрализации»*

слова, мысли, знания, действия, передаваемого каналами массовой информации. И особенно ярко этот процесс «сакрализации» усматривается в отношении власти, политической жизни, политических медиаперсон.

С другой стороны, опосредованный политический опыт, получаемый массовой аудиторией по каналам средств массовой информации и коммуникации, формирует у этой массовой аудитории иллюзию ее участия в политических процессах. Сегодня мы можем говорить, что формируется и уже сформировалась политическая система «виртуальной демократии». И эта разновидность демократии во многом даже более тоталитарна, чем собственно тоталитарный строй, тоталитарный режим: у адресата СМИ нет возможности уйти от массированных атак воздействия на него этих СМИ: выключив кнопку телевизора или радио, выйдя из Интернета, он все равно остается в пространстве растяжек, билбордов, листовок. Более того – он остается в привычном пространстве круга общения с теми людьми, которые не выключали кнопку телевизора или радио, не выходили из Интернета и не откладывали в сторону газету.

Таким образом, сегодня СМИ формально выполняют очень важную функцию поддержания единства общества в плоскости «высшие» – «низшие», или «элита» – «массы». Конечно, во многом это единство лишь иллюзия, но именно СМИ активно эту иллюзию формируют и поддерживают, делая ее составной частью медиакартины мира. Влияние власти на массы через дискурс (формирование *дискурсивной власти*) и ментально-интеллектуальная концентрация ее самой и ее дискурса (*политического дискурса*) в медиа заставляют взглянуть по-новому на место и роль политика как представителя «элиты» в современной медиацентричной культуре.

Специфика современного политического дискурса, вмонтированного в медиадискурс в качестве его сердцевины, заключается в его нацеленности на «создание картины лучшего устройства мира» [3]. И картина эта не объективна и не целостна: она частична, фрагментарна, мозаична, так как содержит «точку зрения» того *ритора-журналиста*, или *ритора-политика*, или *ритора-издания*, который стоит в центре медийного текста и является посредником между «элитой» (при этом сам он также относится к ней) и «массами». И в этом смысле такая картина мира *императивна*, так как предлагается ритором-адресантом не только в качестве единственно возможной, но и в качестве единственно правильной и единственно приемлемой.

Квинтэссенцией функции создания императивной картины мира в рамках современного медийного дискурсов становятся медиатексты, которые наиболее ярко демонстрируют нам *агональность* политического дискурса: «ожесточенная война за власть разыгрывается как состязание, как большие национальные игры, для которых важны зрелищность, определенные имиджи, формы проявления речевой агрессии и т. д.» [4]. Причем эта агональность не всегда явная, открытая, и не всегда эта агональность демонстрирует противостояние собственно политических сил и партий: очень часто агон направлен непосредственно на массовую аудиторию, поскольку современная «элита» не всегда разделяет идеи и идеалы того народа, к управлению которым она стремится. А чаще всего ее интересы прямо противоположны народным интересам.

Здесь наконец следует сказать несколько слов о том, что же такое «элита» в современной медиацентричной культуре и можно ли ее в полной мере считать элитой. С точки зрения традиционной политико-философской теории, «элита – это не показной образ жизни, а правильное положение в обществе» [5, с. 4]. Что следует вкладывать в два эти аспекта определения элиты?

Во-первых, под элитой следует понимать круг лиц, могущих повлиять на принятие решений на государственном уровне. То есть элита занимает привилегированное положение в обществе, а это общество *терпит* такое ее положение, но только в том случае, если элита выполняет определенные общественные функции. От элиты требуется безусловная верность национальному интересу. Идея элиты – это служение. Один из важнейших признаков истинной элиты – ее самообновление [6]. В этом

смысле можно говорить, как об элите, о гражданах античных полисов и империй, об аристократии и дворянстве, а также о купечестве Российской империи, которые представляли собою глубинное эшелонирование именно *элиты*, служившей государству и обществу либо «бременем власти», либо «бременем денег». Зачастую такое служение было непубличным, что поддерживалось не только другим типом распространения информации, нежели сегодня, но и осознанной *позицией непубличности* («непоказного образа жизни») большого числа представителей истинной элиты.

Та часть общества, которая претендует на звание «элиты», не может считаться таковой, если она не соответствует названным требованиям. Любая замкнутость и необновляемость, независимость как безответственность, национальная безыдейность, идеология несоблюдения национальных интересов – все это признаки уже не «элиты» в строгом смысле слова, а «лжеэлиты», или «квазиэлиты».

Конечно, современная политическая деятельность имеет свои специфические черты, концентрирующиеся прежде всего в ее медийности и массовости, в ее статусе медиадискурсивной власти. Именно поэтому ее ни в коей мере нельзя абсолютно отождествлять с политической деятельностью той же античности. Сегодня представители «элиты» неизбежно публичны, медийны, и возврата к непубличности быть не может. Пожалуй, этот признак «элиты» можно считать утраченным навсегда. Но другие базовые признаки все-таки остаются константными. И поэтому в большинстве современных национальных политических систем «элиты» не являются таковыми в полной мере, так как хотя бы один признак непременно будет нарушен (например, необновляемость позднесоветской однопартийной «элиты» и «элиты» США в рамках двухпартийной системы, постоянная самопрезентация современной российской «элиты» с ее наднациональными (=антинациональными) глобалистскими ценностями).

Вся дискурсивная деятельность *дискурсивной власти* современной «лжеэлиты» подчинена одной и той же *риторической модальности* – убедить массовый адресат в том, что она («элита») имеет право на управление им, что ее место на вершине пирамиды социально-политического устройства – не просто правильно, но объективно и закономерно. И несмотря на то, что эта «лжеэлита» неоднородна, общий план ее риторической деятельности – монолитен.

Медиакартина мира, которая нам сегодня активно предлагается, пытается подчеркнуть разнородность политических партий и движений, конфликтность и конфликтогенность их позиций. В этой генеральной стратегической деятельности участвуют и журналисты, и сами политики. Массовой аудитории кажется, что жизнь государства – в борьбе партий, заседаниях парламента, поездках президента или премьера по стране. В действительности, под этим *очевидным планом реальности* (который на самом деле как раз и является виртуальным, или квазиреальным) существует другой, и в нем нет тех противоречий, которые представляются нам через СМИ значимыми, нет разницы между коммунистами и антикоммунистами, либералами и сторонниками «сильной руки». Гораздо важнее то, что основная линия конфронтации проходит не внутри «элиты», а между «элитой» и «массой»: несмотря на попытки объединить себя с аудиторией на лингвистическом уровне, на уровне риторики политические медиаперсоны очень часто демонстрируют неприятие культурных и ментальных ценностей этой аудитории. А это уже стратегия поведения (в том числе и дискурсивного) не национальной «элиты», а именно «лжеэлиты», нового концепта глобального медиacentричного мира.

Список литературы

1. Тюпа В. И. Дискурсивные формации: очерки по компаративной риторике. – М.: Языки славянской культуры, 2010. (Коммуникативные стратегии культуры) – С. 97.
2. Павлова Е. Д. Средства массовой информации – инструмент скрытого воздействия на сознание: социально-философский анализ. – М.: Наука, 2007. – С. 11.

3. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград: Перемена, 1997 // Цит. по: Паршина О. Н. Российская политическая речь. – М.: ЛКИ, 2007. – 232 с.
4. Михалёва О. Л. Политический дискурс: способы реализации агональности // URL: <http://www.rus-lang.com/about/group/mikhaleva/state2/>
5. Найшуль В., Гурова О. Стрoение элиты: русские традиции // Главная тема. – 2004. – № 2. – С. 4.
6. Езерский А. Лжеэлита как системная проблема постсоветской России // Главная тема. – 2005. – Февраль-март. – С. 194-204.

«ELITE» AND «FALSE-ELITE» AS A SYSTEM CONCEPTS OF MEDIACENTRIC CULTURE

I. V. Annenkova

*Moscow State University
named after
M.V. Lomonosov*

*e-mail:
anneirina@yandex.ru*

The media have an important function of maintaining social cohesion in the plane of the "elite – the masses." In many ways, this unity is only an illusion, however it is the media that illusion actively shape and support, making it an integral part of the mediapicture of the world. Part of society that claims to be the "elite" can not be considered as such if it does not meet certain requirements.

Keywords: culture, media, mediapicture, mass, elite, false-elite, politics, discourse.